

УДК 811.112.2

БИОГРАФИЯ НЕМЕЦКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ОБРАЩЕНИИ

П.Е. Карташова

Тверской государственный университет, Тверь

В данной публикации анализу подвергается обращение, распространённое атрибутивной группой. В первой части статьи систематизируются попытки германистов обосновать употребление слабой и сильной форм прилагательного в обращении. Далее рассматривается эволюция становления этих форм в период с древневерхненемецкого до современного немецкого языка, в процессе чего выявлена вариативность оформления распространённого обращения во множественном числе. Все положения подтверждаются примерами из произведений немецкоязычных авторов рассматриваемого периода.

***Ключевые слова:** распространённое обращение, флексия атрибутивного прилагательного, вариативность немецкого языка, монофлексия, обусловленность склонения прилагательного, теория синтаксической маркированности.*

Флективное структурирование обращения, распространённого атрибутивной группой, в его современном виде есть результат длительного и противоречивого развития. Проблема оформления атрибутивного прилагательного в обращении и обоснования данного употребления уже несколько веков занимает умы многих германистов и решается ими иногда с кардинально различных точек зрения.

Исконная форма прилагательного в звательном падеже – слабая, даже при отсутствии артиклевого слова. Подобное правило Я. Гримм [8: 563], А. Энгелин [6: 190], В. Вильманс [16: 740] считают вытекающим из определённости звательного падежа, совпадающего по своей семантике с семантикой слабой формы. Следует отметить, что некоторые перечисленные авторы признают только семантический критерий употребления форм атрибутивного прилагательного, рассматривая их вне связи с синтаксическим оформлением всего сочетания [1: 179]. Соответственно во взглядах данных авторов на оформление звательного падежа отражается их трактовка семантического различия между сильной / неопределённой и слабой / определённой формами.

Согласно положению Я. Гримма [8: 650], употребление слабой формы прилагательного в обращении связано, во-первых, с семантикой звательного падежа, определённой настолько, что конкретизация его при помощи артикля была излишней, и, во-вторых, с семантикой слабой формы прилагательного, по природе своей обладавшей определённым значением. В. Вильманс видит причину употребления слабого склонения прилагательного в звательном падеже в его личном характере [16: 747].

О. Эрдман объясняет слабую форму прилагательного в обращении, с одной стороны, стремлением отличить звательный падеж от именительного, а с другой стороны, вероятно изолирующим и индивидуализирующим значением слабых основ. Именно О. Эрдман присваивает сильной форме имени прилагательного «генерализирующее» значение, а слабой – «изолирующее» [1: 180].

Это различие в семантике форм прилагательного автор ограничивает XVIII веком.

Более свободной связью членов группы обращения *O*. Эрдман объясняет появление в ней сильной флексии прилагательного, и в качестве иллюстрации относительной независимости местоимения и прилагательного приводит, на наш взгляд, неубедительный пример «*gegrüßt seid mir, edle Herrn...*» (выделение подчёркиванием здесь и далее наше – П.К.), в котором императив сопровождается монофлексивно оформленным обращением. Наличие слабой флексии прилагательного в обращении после *ihr O*. Эрдман связывает с влиянием местоимения, близким к «изолирующему влиянию артикля». При этом правомерным звучит его предположение о влиянии на склонение прилагательного различной акцентуации в группах «*ihr lieben Freunde*» и «*ihr, liebe Freunde*» [7: 96]. Объяснение вариативности флексии *lieb-* в данном контексте кроется, вероятно, не во влиянии расстановки акцента, а в сохранении цельности группы обращения, в которой *ihr* является в первом примере детерминирующим членом группы существительного, а во втором – компонентом, дублирующим обращение, но не влияющим на его синтаксическое оформление.

Наглядным подтверждением несомненного влияния *ihr* на флексию атрибутивного прилагательного является отрывок из «Хора ангелов» И.В. Гёте:

*Rosen, ihr blendenden,
Balsam versendeden!
Flatternde, schwebende,
Heimlich belebende,
Zweiglein beflügelte,
Knospen entsiegelte,
Eilet zu blühh!* (J.W. Goethe. Faust)

В противовес *O*. Эрдману, его современник И. Хейзе обосновывает выбор флексии прилагательного в звательном падеже его исторически сложившейся полной аналогией с именительным падежом [10: 599]. Наряду с И. Хейзе, целый ряд германистов выдвигали требование склонения прилагательного в обращении согласно нормам монофлексивного кооперирования в атрибутивной группе, объясняя своё положение конкретностью и определённой отнесенностью, выражаемых звательным падежом.

И. Аделунг утверждает, что понятия конкретного и абстрактного, превалирующие в толкованиях приверженцев семантической обусловленности употребления немецкого прилагательного, не могут влиять на склонение прилагательного, которое при наличии препозитивного определительного форманта должно иметь совершенные падежные окончания. Слабую же флексию прилагательного в обращениях *Lieben Freunde! Teuersten Kinder!* [2: 630] И. Аделунг объясняет детерминирующим влиянием опущенного в данных контекстах местоимения.

Полное единообразие в склонении атрибутивного прилагательного в обращении наблюдалось из древнегерманских языков только в готском, где в данном случае употреблялась исключительно слабая форма. В погоне за стабильностью готского языка древневерхненемецкий настойчиво сохраняет в обращении слабую флексию прилагательного, если оно не остаётся нефлексивным. Например: *liobo man! liob vater!* [15: 370]

Сильное склонение встречается в единственном числе редко: *mîn sun guater!* [7: 99] Однако единственным числом уверенное употребление слабого склонения и ограничивается, как предполагает О. Эрдман [там же], так как во множественное число уже в этот период становления языка проникает сильная форма: *guate man!*

В средневерхненемецком начинается господство сильной формы прилагательного в обращении, что обусловлено двумя факторами. С одной стороны, перестают ощущаться семантические различия между сильной и слабой флексиями прилагательного, а с другой стороны, возникает потребность оформлять группу существительного и в звательном падеже определённым морфологически выразительным окончанием. Во множественном числе по традиции во многих обращениях сохраняется слабая флексия прилагательного, поддерживаемая одинаковой невыразительностью флексии сильного и слабого склонения прилагательного в этом числе. Употребление краткой формы в обращении относительно древневерхненемецкого значительно сокращается. Слабая и сильная формы прилагательного в обращении после *ir* чередуются. Эту вариативную картину оформления именной группы обращения в полном объёме транслирует средневековая германская эпическая поэма «Das Nibelungenlied»:

Singular:

vil liebiu muoter mîn...

dô sprach der küene Sivrit: „vil lieber vater mîn...“

vil lieber herre mîn

ir sult in lan genesen, edeliu küniginne

und süene, ritter küene...

Plural:

ir gouten recken, ê daz ir sceidet hin...

daz wisset, helede guot

ir edelen ritter balt

er sprach: „ir guoten ritter“

ir vil schoene vrowen, ir weinet ône nôt

В ранненововерхненемецком оформление звательного падежа в общем совпадает со средневерхненемецким. В единственном числе флективное прилагательное склоняется по сильному типу, но сохраняется и краткая форма. Во множественном числе на протяжении почти всего периода преимущественно употребляется слабая форма, в том числе и после личного местоимения *ir*, часто включавшегося в обращение. Обилие примеров такого употребления мы находим в произведениях немецкого поэта-мейстерзингера эпохи Реформации Г. Сакса:

wie fluchst du mir, du zornigs Lamb (H. Sachs. Fabeln)

ich sprach zu ihr: Zart Fraw... (H. Sachs. Fabeln)

ir erbarn Herrn (H. Sachs. Fastnachtspiele)

В нововерхненемецком слабая форма прилагательного в обращении полностью выходит из употребления сначала в единственном числе, уступив место морфологически оформленной сильной, на что указывают О. Бехагель [3: 175] и Г. Пауль [13: 103], например:

Sie... lieber junger Mann (J.W. Goethe. Wahlverwandschaften)
Armer alter Uhu! (S. Zweig. Junge Frau)

Единообразное оформление множественного числа прилагательного в обращении имеет более долгую историю, уходящую в будущее. Слабая флексия во множественном числе, особенно в формулообразном обращении с *lieb-*, например, *Lieben Kinder!*, встречается ещё в XIX веке. После личного местоимения *ihr* слабую форму прилагательного имеет не только в произведениях XVIII–XIX веков, но и у немецкоязычных авторов XX века, например:

ihr guten Engel (F. Schiller. Kabale und Liebe)
Doch Ihr seid es, Ihr fühlenden Seelen, Ihr rein kindlichen Gemüther, Ihr mir verwandten treuen Herzen, ja Ihr seid es... (E.T.A. Hoffmann. Lebensansichten des Katers Murr)
ihr verdammten Säue (E. Remarque. Der Weg)

Следует отметить и тот факт, что в произведениях одного и того же автора мы находим вариативное оформление данного сочетания:

schwach: *ihr bömischen Fürstinnen* (C. Brentano. Gründung Prags)
stark: *ihr stolze Schwerdlilien, ihr vielfarbige Roseleien, ihr krause Basilien, ihr zarte Violen* (C. Brentano. Des Knaben Wunderhorn)
schwach: *ihr ersten Liebesgefühle* (L. Tieck. Romantische Dichtungen)
stark: *Ihr grüne Wiesen, stille Matten* (L. Tieck. Romantische Dichtungen)

Итак, характеристикой оформления множественного числа именной группы обращения XIX – начала XX веков является вариативность, что во многом обусловлено противоречивыми требованиями грамматик (Б. Дельбрюк [4: 33], Л. Зюттерлин [15: 367], А. Энгелин [6: 192]). Некоторые германисты связывают наличие двух вариантов оформления обращения с прилагательным *lieb-* и оправдывают его слабую флексию «мысленным добавлением местоимений *unsere, meine*» [14: 128]. М. Еллинек констатирует сохранение слабой формы в обращении только с *lieb-* [11: 387] и признаёт, что оформление слабой флексией других прилагательных во множественном числе в обращении не является типичным для современного ему состояния языка. И. Льюнгеруд приводит два случая слабой флексии прилагательного в обращении у К. Тухольского, указывая при этом на явно стилистическую окраску её употребления:

Ach, lieben Freunde! Wie einförmig sind doch unsere Städte geworden! Wir, aber, lieben Freunde, lasset uns ein wenig spintisieren! [цит. 12: 174].

В современном немецком языке речь идёт уже чаще не о флексии *lieb-*, которое склоняется в полном соответствии с принципом монофлексии и зависит только от наличия препозитивного детерминатива (*alle, unsere, meine*), а о вариативном оформлении следующих за *lieb-* атрибутивных или субстантивированных прилагательных и причастий.

На сайте www.grammatikfragen.de развернулась дискуссия на тему вариативного оформления обращения на шуточной поздравительной открытке «*Liebe kleine(n) und große(n) Igel*». Опрос участников форума, в большинстве своём являющихся носителями языка, дал следующие результаты:

<i>Liebe kleine und große Igel</i>	145000 ответов (= 99,3 %)
<i>Liebe kleinen und großen Igel</i>	1080 ответов (= 0,7 %)

Языковая норма действительно диктует параллельное оформление данного сочетания, так как *liebe* не входит в список слов-определителей, провоцирующих слабое склонение атрибутивного прилагательного. Однако, открывая группу обращения, *liebe* выполняет первостепенно обобщающую функцию относительно постпозитивных атрибутов, выбиваясь тем самым из однородного ряда и приближаясь по значению к артиклевым словам *die* и *alle* в атрибутивных группах *die kleinen und großen Igel* или *alle kleinen und großen Igel*. При этом нейтрализуется первичное значение *liebe* и растёт его синтаксический вес в качестве детерминатива именной группы, которая оформляется таким образом по принципу монофлективного кооперирования, т.е. при условии наличия одного грамматически выразительного форманта.

Действием такого принципа наделять сильной флексией только крайний левый компонент именной группы и согласовывать последующие члены группы под грифом «*sieh im Vorigen*» авторы современной немецкой грамматики объясняют нередкое ошибочное употребление обращений *Liebe Studierenden! Sehr geehrte Abgeordnete!* (вместо *Liebe Studierende! Sehr geehrte Abgeordnete!*) [9: 196]. Второй компонент обращения является субстантивированным причастием, но полностью подчиняется принципам склонения атрибутивного прилагательного. Однако сильной флексией именительного падежа множественного числа оформляется только первое слово, второе же слово мысленно маркируется «см. ранее» и склоняется по слабому типу. Интерпретацию флективных отношений внутри именной группы обращения с помощью теории синтаксической маркированности (*Markiertheitstheorie*) предложил в своей грамматике П. Айзенберг [5: 177–184]. Таким образом, атрибутивное прилагательное в обращении, выступающее без артикля и имеющее флективный показатель, выполняет функцию грамматической характеристики категорий всей группы в целом.

Обращение, являясь регулятором человеческого общения, характеризуется эмоционально-экспрессивной окрашенностью и интонационной обособленностью, в связи с чем выбивается из общего ряда именных групп. Этот факт позволяет предположить особую судьбу морфологического оформления прилагательного в обращении.

Список литературы

1. Карташова П.Е. Происхождение и развитие двойных форм немецкого прилагательного в исторических грамматиках // Вестник ТвГУ. Серия: «Филология». 2013. № 5. С. 177–184.
2. Adelung J. Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache. Leipzig: Breitkopf, 1782. 862 S.
3. Behaghel O. Die deutsche Syntax: Eine geschichtliche Darstellung. Bd. 1. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1923. 740 S.
4. Delbrück B. Grundlagen der neuhochdeutschen Satzlehre. Berlin, Leipzig: de Gruyter, 1920. 378 S.
5. Eisenberg P. Grudriss der deutschen Grammatik. Band 1. Das Wort. 4. aktualisierte und überarb. Auflage. Stuttgart, Weimar: Metzler Verlag, 2013. 490 S.
6. Engelen A. Grammatik der neuhochdeutschen Sprache. Hildesheim: Olms, 1972. 388 S.

7. Erdmann O. Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Stuttgart: Cotta, 1898. 276 S.
8. Grimm J. Deutsche Grammatik. Gütersloh: Druck und Verlag von C. Bertelsmann, 1898. 1312 S.
9. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. 4. vollständig überarb. Auflage. Berlin, Boston: de Gruyter, 2013. 473 S.
10. Heyse J. Ch. A. Deutsche Grammatik oder Lehrbuch der deutschen Sprache. 25. Auflage der Schulgrammatik Heyses, vollständig umgearb. von O. Lyon. Hannover, Leipzig: Hahn'sche Buchhandlung, 1893. 617 S.
11. Jellinek M. H. Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von den Anfängen bis auf Adelung. Bd. 2. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1914. 503 S.
12. Ljungnerud I. Zur Nominalflexion in der deutschen Literatursprache nach 1900. Lunder germanische Forschungen. Lund, Kopenhagen: Carl Bloms Boktryckeri A.-B., 1955. 350 S.
13. Paul H. Deutsche Grammatik in 5 Bänden. Bd. 3. Teil IV. Syntax. Unveränderter Nachdruck. Halle, Saale: Niemeyer, 1954. 456 S.
14. Schötensack I. Grammatik der neuhochdeutschen Sprache. Erlangen: Verlag von Ferdinand Enke, 1856. 836 S.
15. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. 4. Aufl. Hildesheim: Olms, 1972. 453 S.
16. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Straßburg: Trübner, 1909. 772 S.

BIOGRAPHY OF THE GERMAN ADJECTIVE IN VOCATIVE

P. Kartashova

Tver State University, Tver

In this publication the vocative extended by the attributive group is analyzed. The first part of the article systemizes the attempts of Germanists to justify the use of strong and weak adjective forms in vocative. The following section discusses the evolution of these forms from Old High German to modern German. In this process a variation in structuring of extended vocative in plural is revealed. All statements are supported by examples from the works of German-speaking authors of the considered periods.

Keywords: *extended vocative, flexion of attributive adjective, variation of German, monoflexion, conditioning of German adjective declension, theory of syntactic markedness.*

Об авторе:

КАРТАШОВА Полина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: polikart@mail.ru